

УДК 800.61-56+494.351

Хайруллаев Х.З.

*Самаркандский государственный институт иностранных языков
(Республика Узбекистан, г. Самарканд)*

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЕДИНИЦ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ С ЕДИНИЦАМИ МОРФЕМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ

H. Hayrullaev

Samarkand State Institute of foreign languages, Uzbekistan, Samarkand

HIERARCHICAL RELATIONS OF UNITS OF PHONEMIC LEVEL WITH UNITS OF MORPHEMIC LEVEL

Аннотация. Известно, что три самых основных закона языкознания, то есть парадигматические отношения, синтагматические отношения и закон иерархических отношений, определяют свойства лингвистических единиц в языке. Главная цель этой статьи – открытие механизма, который управляет процессом, где единицы фонематического уровня на основах синтагматических законов активируются в рамках уровнем выше. Каждая языковая единица получает свою активность на уровне, который на ступень выше, чем эта самая единица, и обосновывает все свои функциональные свойства. Самое первое проявление межуровневых взаимоотношений – в рамках, когда единицы фонематического уровня переходят на уровень выше, то есть на морфематический уровень. Если принять во внимание тот факт, что фонема входит во взаимодействие с фонемой на основе синтагматических правил на горизонтальной оси, то становится ясным, что из этого взаимоотношения следует морфемный элемент, который и по существу является элементом на одну ступень высшего уровня. Такие качества свойственны для всех без исключения тюркских языков, и для узбекского языка в том числе. До сих пор точное количество лингвистических уровней не установлено. По этому вопросу не существует единства взглядов. Конечно, в мировом языкознании, и в русском языкознании в частности, проделан огромный труд в сфере изучения иерархических отношений, в то время как в тюркологии, и в частности в узбекском языке, нет достаточно больших исследовательских работ на эту тему. В этой статье автор проводит исследование иерархических взаимоотношений элементов фонематических единиц с морфематическими единицами языка.

Ключевые слова: фонематический уровень, морфематический уровень, иерархические отношения, лингвистический уровень, лингвистические единицы, фонема, морфема, морфонология, синтагматические и парадигматические отношения.

Abstract. It is known that three main laws of linguistics, that are paradigmatic relations, syntagmatic relations and the law of hierarchical relations define properties of linguistic units in language. The main object of this article is opening the mechanism which operates the process where units of phonemic level on the bases of syntagmatic laws are activated within a framework of one point higher level. Each language unit receives its activity at a level, which is one step higher, than the previous one, and (proves) displays all the functional properties. The very first displays of the inter-level mutual relations are shown when units of the phonetic level pass to a higher level, that is the morphemic level. Taking into consideration the fact that the phoneme interacts with another phoneme on the basis of syntagmatic rules on a horizontal axis, it becomes clear that this mutual relation results in the appearance of the morphemic element which is in its essence an element from a one step higher level. Such qualities are peculiar to all Turkic languages, including Uzbek. Until present the exact quantity of linguistic levels has not been established. There are no generally accepted opinions on this problem. Certainly, in world linguistics, and in Russian linguistics in particular, huge work in studying hierarchical relations problems has been done, while in turkology, and particularly in the Uzbek language, not enough research on this topic has been done. In this article, the author carries out research into the hierarchical mutual relations between elements of phonemic and morphemic units of language.

Key words: phonemic level, morphemic level, hierarchical relations, linguistic level, linguistic units, a phoneme, a morpheme, morphonology, syntagmatic and paradigmatic relations.

Отношения между единицами фонематического и морфематического уровней предполагают включение языковых единиц, не имеющих смысла в составе единиц, означающих смысл. В этом процессе фонема своими дифференциальными качествами составляет звуковую оболочку морфемы.

Следует особо отметить, что фонема по своей природе основана на звуке, и в составе морфемы она входит в отношения с другими фонемами, составляя по акустически-артикуляционным признакам определённую систему. Это показывает, что уже на уровне морфемы формируется микросистема языка. Иными словами, вступление фонем в определённые отношения в горизонтальном ряду и является своеобразной системой. Этот процесс всегда стоял в центре внимания лингвистики. Э. Сиверс [E. Sievers] об этом писал так: «Прежде всего нужно стремиться получить точное представление об устройстве рассматриваемой звуковой системы; следует всегда иметь в виду, что она определяется не столько числом случайно собранных в ней звуков самих по себе, сколько отношением этих отдельных звуков между собой» [4, с. 5].

Одна из основных особенностей элементов данной системы проявляется в их дифференциальных признаках, ибо фонемы образуют функциональную систему, основывающуюся на противопоставлении дифференциальных признаков [2, с. 75]. При этом дифференциальные признаки не только способствуют различению фонем, проявляющих активность в составе морфемы, но и помогают им вступить между собой в связь. Так, какой-либо признак, скажем, лабиализованность или нелабиализованность, может быть присущ более чем одному виду фонем в составе морфемы; ср.: послелог *учун* (для) в узбекском языке. В таких случаях проявляется интегральность дифференциального признака. Если же один из дифференциальных признаков, присущих одной фонеме, не наблюдается во второй, в таких случаях можно говорить не об интегральности, а только о дифференциальном признаке; ср.: [б] – звонкий, [п] – глухой. Говоря о таких особенностях фонем,

В.М. Солнцев предлагал фонемы с интегральным признаком отметить знаком «плюс», а фонемы без таких признаков – знаком «минус» (например, звонкие и глухие фонемы) [11, с. 242]. Однако это является спорным, ибо каждая фонема уже имеет свой дифференциальный признак. Конечно, какой-либо признак всё же может встречаться в одной фонеме, но при этом не встречается во второй. Но, несомненно, в таком случае вторая фонема будет иметь уже другой дифференциальный признак. Поэтому вполне можно оспорить пример В.М. Солнцева с оленями: самец имеет рога (то есть имеет дифференциальный признак), а самка – нет [11, с. 242]. Однако отсутствие рог у самки как раз является другим дифференциальным признаком. Поэтому, нам кажется, что, когда речь идёт о дифференциальных признаках фонем, надо иметь в виду не только интегральность, но и вообще отличительные черты между ними.

Дифференциальные признаки фонем в рамках элементов их микропарадигмы бывают в абстрактном виде. В случаях же, когда фонема проявляется на уровне морфемы, эти признаки находят своё конкретное выражение. Ср.: в узбекском языке звонкая фонема **б** в конце слова произносится как глухая: *олиб* ('взяв'): **ол** (корневая морфема) –**иб** (аффиксальная морфема). Но это не даёт основание полагать, что связь между фонематическим и морфематическим уровнями является непосредственной [7, с. 97], ибо фонемы друг с другом вступают в синтагматическую связь только в рамках элементов данной единицы. Что касается отношений фонемы и морфемы, то они основываются на иерархичности. Ср.: в узбекском языке в слове *болалик* (детство) мы видим синтагматические отношения корневой (*бола* – *ребёнок*) и аффиксальной морфем (*-лик*). Здесь фонемы сначала входят в иерархические отношения с той морфемой, в рамках которой они употреблены, а в конечном счёте – со словом.

В реальном применении фонем приобретает актуальность и такое понятие, как слог. Однако мы считаем слог микроуровнем внутри уровня языка (фонематического).

Слог – это фонетическое явление, имеющее свой особый статус на уровне морфем или на уровне слов. То, что он иногда по форме совпадает с морфемами, не имеет отношения к иерархическим отношениям языковых единиц. Иерархичность начинается с отношений между низшим уровнем языка и морфематическим уровнем. Для иллюстрации обратимся к следующим примерам из узбекского языка: **-нинг, -ни, -да, -дан**. Это аффиксальные морфемы, имеющие грамматическое значение в различных падежах. Первая морфема состоит из фонем **н, и, нг**, вторая – из фонем **н, и**, третья – из фонем **д, а**, наконец, четвёртая – **д, а, н**. Между этими фонемами существуют синтагматические отношения, что реализуется на уровне более высокой системы – морфемы. Кроме того, эти фонемы активно участвуют в формировании содержания данных морфем.

Значит, иерархические отношения между единицами фонематического и морфематического уровней реализуются через их дифференциальные признаки (гласная – согласная), функциональный вес (звуковая оболочка, способствующая различению смысла), синтагматическую связь, порождающую содержание. Иначе говоря, единицы низшего уровня служат основным материалом для возникновения единиц более высокого уровня [3, с. 143].

Как видно, в возникновении иерархических отношений основную роль играют фонемы, морфемы же создают условия для реального применения фонем. Надо сказать ещё и о том, что взаимоотношения фонем приводят к формированию морфем. Как отмечает Г.С. Клычков, из объединения фонем возникают только морфы; из отношений морфем создаются словоформы. Однако комплексы слов ещё не являются предложением [6, с. 77].

Как видно, Г.С. Клычков утверждает, что из фонем создаются не морфемы, а морфы. Но нам кажется, что использование терминов *фон* вместо *фонема*, *морф* вместо *морфема*, *словоформа* вместо *слово* при изучении иерархических отношений создаёт известную путаницу. На самом деле понятие *фон*

тесно связано с фонемой, *морф* – с морфемой, *словоформа* – со словом. Поэтому нам представляется целесообразным использование традиционных понятий *морфема*, *фонема*, *слово*. Кроме того, именно эти термины используются в качестве языковых единиц. Мы привели мнение Г.С. Клычкова с той целью, чтобы показать, что не все лингвисты отрицают существование уровня. Например, Г.С. Клычков утверждает, что когда из взаимного отношения элементов определённой системы образуется элемент другой системы, это называется иерархией. Между тем системы, находящиеся в иерархических отношениях, именуются уровнями. А употребление подобных понятий лингвистически нецелесообразно [6, с. 77].

Конечно, с таким мнением нельзя согласиться, ибо морф требует конкретного и реального использования морфемы. Возьмём, к примеру, морфему **-чи** в узбекском языке. Данная морфема, возникшая в результате синтагматических отношений двух фонем, используется для образования имён существительных, имеющих отношение к профессии: **ўқитувчи** – ‘учитель’, **ишчи** – ‘рабочий’, **ўйинчи** – ‘танцовщица’, **қизиқчи** – ‘клоун’. В приведённых примерах морфема **-чи** конкретно указывает на определённые профессии. По этой причине мы можем говорить, что **-чи** имеет статус морфа. Других же вариантов данной морфемы в речи не существует. По мнению Л.И. Баранниковой, морфема, реально применённая в речи, может выполнять функции морфа [1, с. 66]. Но это не мешает вхождению фонем в состав морфем и возникновению иерархических отношений.

Единицы фонематического уровня входят в состав морфематического уровня через корень и аффиксальные морфемы, и реальное применение фонем в этом процессе находит своё выражение через аллофоны. Как справедливо отмечает В.М. Солнцев, фонема в инвариантом состоянии требует абстрактной единицы, а её конкретное применение – аллофона. Отличие аллофонов (инвариантов) фонем от фонем состоит в их реальном применении. А это показывает, что аллофоны

являются конкретными фонемами. Термины *фонема* и *аллофон* связаны с различными названиями одних и тех же языковых единиц [10, с. 15]. Обратимся к примерам: **ўқитувчи** – ‘учитель’, **тинчлигимиз** – ‘наше спокойствие’, **пахтакорлар** – ‘хлопкоробы’.

В первом примере формируются четыре морфемы. Первая из них (**ўқи**) – это корневая морфема. Данная морфема формируется из двух гласных и одной согласной фонемы. Остальные морфемы, то есть **-т**, **-ув**, **-чи** – аффиксальные морфемы. В них мы наблюдаем отношения гласных и согласных фонем. Во всех четырёх морфемах наблюдаются иерархические отношения между фонемами и морфемами (в морфеме **-т** существует внутренняя иерархическая связь с фонемой). Если иметь в виду реальное применение фонем, то можно говорить о связях между аллофонами и алломорфами. Тут надо иметь в виду ещё и то, что фонема **-т** в процессе реального применения получает статус морфемы. Такое положение наблюдается и во втором нашем примере: **тин** – корневая морфема, **-ч** – аффиксальная морфема, **-лик** – аффикс, **-имиз** – аффиксальная морфема. В третьем примере корневые и аффиксальные морфемы можно указать следующим образом: **пахта** (‘хлопок’) – корневая морфема, **-кор** – аффикс, **-лар** – аффиксальная морфема.

Приведённые примеры не требуют доказательства того, что существует связь с фонемами и морфемами, соединяющая данные фонемы на своём уровне. Иерархические отношения не меняются оттого, что мы будем называть реально используемые фонемы аллофонами, или морфемы – алломорфами, так как каждая фонема, или фон, связана с конкретным звуком, а данный звук и есть фонема. Иными словами, звук не есть составная часть фонемы, или фона, а является фонемой, или фоном [10, с. 15]. В этой связи нам представляются несостоятельными утверждения некоторых лингвистов о том, что фонемы, морфы и морфемы следует изучать в качестве единиц отдельных уровней. Такая идея, к примеру, встречается в трудах С. Лэма [17, с. 20]. Другой американский лингвист

– Дж. Трейгер – указывает на 27 уровней (стратумов) языка. Такой подход, конечно же, осложняет понимание дела [19, с. 34].

Надо сказать, что изучение парадигматических особенностей фонем выходит за пределы исследований иерархических отношений. Мы можем рассматривать иерархические отношения лишь в процессе вступления их в синтагматические отношения. Иными словами, для вступления их в синтагматические отношения требуется необходимое лингвистическое поле. Поскольку в качестве такого поля выступает морфема, это требует наличия иерархических отношений. Таким образом, единицы фонематического и морфематического уровней вступают между собой в иерархические отношения.

Как известно, морфемы, так же, как и фонемы, являются абстрактными единицами языка. Основная причина этого в том, что они не могут применяться в речи самостоятельно. Поэтому мы изучаем их в качестве сегментов определённых слов.

Мы видели выше, что в процессе сегментации слово **ўқитувчи** – *учитель* – имело четыре морфемы. А это показывает, что каждая из них выступает отдельным полем для применения фонем. Если считать данные морфемы сегментами слов, то фонемы являются сегментами данных морфем. Иными словами, природа сегментации фонем основывается на морфологических принципах. Как считает В.Б. Касевич, сегментация фонем есть результат морфологической сегментации [5, с. 22].

С точки зрения иерархических отношений фонема «живёт» внутри морфемы. В этом процессе в рамках фонемы происходит аллитерация. Это мы можем наблюдать на примере третьей морфемы слова **тинчлигимиз** – ‘наше спокойствие’, где фонема **к** в морфеме **-лик** меняется фонемой **-г**.

Таковую же картину мы можем видеть и на примере согласных **ғ** и **қ**; ср.: **ўртоқ** (‘друг’) – **ўртоғи** (‘его друг’), **соғлиқ** (‘здоровье’) – **соғлиғи** (‘его здоровье’), **қизиқ** (‘интересно’) – **қизиғи** (‘интересно’).

Говоря о таких звуковых изменениях, А. Нурмонов утверждает, что определённое

слово состоит из отношений нескольких морфем, а определённая морфема в различном морфематическом окружении может выступать как различные алломорфы: **билак** ('локоть') – **билаг** ('локоть') [16, с. 21]. Как утверждает А. Нурмонов, в таких ситуациях формируются различные варианты морфемы (морфы), приспособленные к различным ситуациям. В таких случаях изменение звука не играет какой-либо фонологической роли. Поэтому для изучения данного явления в рамках фонологии нет основания, так как в таких случаях требуется, чтобы фонологические единицы языка исследовались с точки зрения морфологии. По этой причине в научный обиход было введено понятие **морфофонология**. Так, Н.С. Трубецкой определяет морфофонологию как одну из отраслей языкознания, изучающую применение фонологических средств в морфологических целях [12, с. 115-118].

М. Халле даёт слишком расширенное толкование морфофонологии. По его мнению, фонологические понятия излишни в лингвистических исследованиях. По этой причине таксономическая грамматика должна иметь дело только с морфофонологическими и фонетическими уровнями, оставляя за пределами изучения таксономическую фонологию. Халле путает понятия морфонема и архифонема [13, с. 310-314], в то время как эти понятия в корне отличаются друг от друга. Н.С. Трубецкой же, говоря об архифонеме, имел в виду единство, состоящее из качеств, характерных для двух фонем. И хотя исследованием данной проблемы занимались многие лингвисты (Н. Хомский, П. Постал, Е. Курилович), нам кажется более обоснованной точка зрения А.А. Реформатского [9, с. 99].

А.А. Реформатский допускает возможность того, что морфофонология может быть отдельной дисциплиной лингвистики. При этом он считает, что морфофонология может объединять, в необходимых случаях, фонологию и морфологию. Но, несмотря на это, А.А. Реформатский считает, что морфофонология не может быть самостоятельным уровнем языка, так как она не имеет своей единицы:

«И дело здесь в том, что у морфофонологии нет своего «героя», т. е. основной единицы, а у любого подлинного структурного яруса она есть: у фонологии – это фонема, у морфологии – морфема» [9, с. 99].

А.А. Реформатский упоминает, что европейская и американская теория морфофонологии опирается на понятие «морфонема», использованное впервые Х. Улашином. При этом А.А. Реформатский говорит, что взгляды Трубецкого и Улашина относительно морфонемы ненаучны [9, с. 99].

Действительно, морфонема не может быть единицей морфофонологии. Действительно, если фонема – это фонологическая единица, то морфема – морфологическая. Нельзя, «скрещивая» их, создать гибридную, искусственную единицу. Об этом говорит и А. Абдуазизов: «морфофонология не имеет отношения ни к грамматике, ни к фонологии, но использует их единицы – фонему и морфему <...>, так как морфофонология не имеет своей единицы, то она изучает фонологические изменения в морфемах, не связанные с фонетическим состоянием». Абдуазизов при этом приводит такие примеры: **бу кун** ('этот день') – **бутун** ('сегодня'), **паст** ('низко') – **пасаймоқ** ('снижаться'), **онг** ('разум') – **англа** ('пойми'), **тара** ('расчёсывай') – **тароқ** ('расчёска'), **ўқи** ('учись') – **ўқув** ('учёба'), **қорин** ('живот') – **қорни** ('его живот'), **оғиз** ('рот') – **оғзи** ('его рот') и т. д. [14, с. 70].

В данной работе мы придерживаемся понятия морфонемы, основываясь на следующем высказывании А. Абдуазизова: «...морфонема является объединением нескольких фонем, выполняющих морфологические функции». В узбекском языке мало морфофонологических альтернатив, появляющихся в самой корневой морфеме. Например, **англа** ('пойми') – **онг** ('разум'), **тара** ('расчёсывай') – **тароқ** ('расчёска'), **сез** ('почувствуй') – **сес/канмоқ** ('почувствовать'), **сон** ('число') – **сан/а** ('считай'), **тўс** ('огради') – **тўгон** ('плотина'), **қара** ('смотри') – **қаров** ('уход'), **қаровул** ('сторож') и т. д. [15, с. 92-93].

По мнению В. Менглиева и М. Абузаловой, вариант фонемы, появляющийся с помощью

слова или окончания, является морфемой [18, с. 16].

По справедливому замечанию В.А. Мигачева, структурная форма морфемы ещё не есть морфология. Тут мы видим взаимосвязь фонем. Поэтому изменение формы морфем ещё не является морфонологией. В.А. Мигачев считает, что фонологические изменения, происходящие на уровне морфемы, являются проблемами фонеморфологии, а морфонология связана с фонологическими изменениями, выполняющими морфологические функции в рамках морфемы [8, с. 60-61].

На наш взгляд, фонологические изменения, изучением которых занимается морфонология, оказывают влияние на структурную цельность морфем, но не касаются иерархических отношений, имеющих место между фонетическим и морфематическим уровнями. Иначе говоря, изменения в рамках морфем, которые наблюдаются в синтагматических отношениях, или же употребление соответствующего аллофона вместо определённой фонемы не оказывают никакого влияния на иерархические отношения, которые создаются между единицами фонематического и морфематического уровней. Например, *ўтган* (минувший) – *ўткан* (‘минувший’), *тара* (‘расчесывай’) – *тароқ* (‘расческа’), *бурун* (‘нос’) – *бурним* (‘мой нос’). В первом примере до и после морфонологического изменения мы наблюдаем две морфемы (коренную и аффиксальную), находящиеся в синтагматической связи, что, в свою очередь, обосновывает иерархические отношения на уровне слов. И на втором примере наблюдаем синтагматические отношения коренной и аффиксальной морфемы. Однако изменения в рамках слова **тароқ** приводят к возникновению морфонологического явления, тогда как синтагматическая связь фонем к этому явлению не имеет никакого отношения. И в последнем примере изменения фонемы, точнее её опущение, стало возможным благодаря фонеме, употреблённой в аффиксальной морфеме. В данном случае иерархические отношения фонем с морфемой не касаются морфонологического явления.

Таким образом, мы видим, что единицы фонематического уровня входят в морфематический ярус, образуя синтагматические отношения между единицами низкого и более высокого уровней. Подобное явление можем отметить и между фонемой и словом, так как однокоренные слова и слова, которые имеют аналогичные формы с коренными морфемами, не делятся на отдельные смысловые единицы. Однако в производных словах наблюдаются иерархические отношения совершенно иного характера, т. е. между двусторонними единицами языка (морфемой и словом).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранникова Л.И. Основные сведения о языке. – М.: Просвещение, 1982. – 111 с.
2. Вейсалов Ф.Е. Проблема варьирования фонем в современной фонологии // Вопросы языкознания, 1990, №3. – С. 72-80.
3. Демьянков В.З. Теория языка и динамика американской лингвистики на страницах журнала «Language» (К 65-летию основания журнала) // Вопросы языкознания, 1989, №4. – С. 128-148.
4. Зиндер Л.Р. Несколько слов о межуровневых дисциплинах // Вопросы языкознания, №3, 1989. – С. 5-7.
5. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М.: Наука, 1983. – 293 с.
6. Клычков Г.С. К понятию единиц и определению уровней языка // Уровни языка и их взаимодействие. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1967. – 182 с.
7. Лепская Н.И. К вопросу о связи фонетического и морфологического уровней // Уровни языка и их взаимодействие. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1967. – 182 с.
8. Мигачев В.А. О реконструкции морфологических процессов // Вопросы языкознания, 1991, №5. – С. 55-71.
9. Реформатский А.А. Фонологические этюды. – М.: Наука, 1975. – 133 с.
10. Солнцев В.М. О понятии уровня языковой системы // Вопросы языкознания, 1972, №3. – С. 3-19.
11. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – 292 с.
12. Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфологии // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – 559 с.
13. Халле М. Фонологическая система русского языка. Лингвистико-акустическое исследова-

- ние // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 685 с.
14. Абдуазизов А. Морфонология // Баскаков Н.А., Содиқов А.С., Абдуазизов А.А. Умумий тилшунослик. – Тошкент: Ўқитувчи, 1979. – 190 б.
15. Абдуазизов А.А. Ўзбек тили фонологияси ва морфонологияси. – Тошкент: Ўқитувчи, 1992. – 135 б.
16. Нурмонов А. Ўзбек тили фонологияси ва морфонологияси. – Тошкент: Ўқитувчи, 1990. – 46 б.
17. Lamb S.M. Outline of the stratificational grammar. – Washington, 1966. – 20 p.
18. Mengliyev B., Abuzalova M. Hozirgi o'zbek adabiy tili. – Qarshi, 2005. – 184 b.
19. Trager G.L. Lingvistcs is lingvisitics. – Buffalo, New York, 1963. – 24 p.